

05

Н 26

новый
мир

5-6

МОСКВА
1945

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1945 г.

№ 5—6

Год издания XXI.

„Проверено“ СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ ТОВ. И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ	Стр. 2
СЕМЕН КИРСАНОВ — 9 мая 1945, стихотворение	4
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ — Победа!	5
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ — Торжество света	10
ЛЕВ ОШАНИН — Победная дорога, стихотворение	13
НИК. АСАНОВ — Волшебный камень, повесть	14
ВЛ. НАЗОР — Вперед!, стихотворение. Перевод с хорватского Мих. Зенкевича	81
КОНСТ. ФЕДИН — Первые радости, роман. Продолжение	82
Н. АСЕЕВ — Пламя победы, из лирического дневника	119
КАРЕЛ ЧАПЕК — Рассказы из обоих карманов. Перевод с чешского T. Аксель	129
Проф. Л. А. ЗИЛЬБЕР — Великий русский ученый	151
Б. МЕИЛАХ — Ленин и Горький	160
А. ДЕРМАН — Неутомимый искатель	167
А. МАКАРОВ — По страницам журналов	172
М. МЕНДЕЛЬСОН — Уолт Уитмен	183
Л. ГУМИЛЕВСКИЙ — Проблема литературы и науки	189
НОВЫЕ КНИГИ	205

ПОБЕДА!

ЛЕОНИД ЛЕОННОВ

Священная весна с ее дарами пронеслась по земле. Праздником победы завершились долгие военные будни. Кажется, даже старые камни помолодели на растемненных московских улицах. Здравствуй, отвоеванная и возвращенная молодость!

Дружиной семей народов и сограждан мы встретили нашу радость. Через много весен прошли старшее и юное поколения советских отцов и детей, которые создавали нынешнее величие нашего государства. Каждая из них была незабываемой ступенькой к осуществлению мечты, но эта — неизмеримо значительнее прочих. Она выводит нас как бы на вершину горы, откуда виден весь лежащий как на карте необъятный мир, его долины и реки, движение людских племен и, наконец, самая поступь истории. Отсюда мы постигаем бессмертный подвиг гения, начертавшего план великих строек. Окинем же взглядом все то, что вчера было доступно лишь предвидению вождя, а сегодня стало достоянием его народа.

Теплый ветер изобилия и плодородия дует нам в грудь, а по нагорьям внизу теснятся толпы новоприобретенных друзей, вчерашних соратников и завтраших братьев в устроении земных судей. В промадном утреннем небе плывут и тают последние, разъятые на части призраки ночи, похожие то на обмякшую тушу Муссолини, то на еще что-то более гибучее, чьим именем не надо сквернить блеск этих весенних страниц. Кажется, минуло любое сновидение, терзавшее мир все последнее десятилетье...

Нет, не сновиденье!. Столбовая дорога побед от Сталинграда до Берлина — не сновиденье, как не сне были пролиты кровь и пот на фронтах и в бескрайнем армейском тылу. Не сном были наши разлуки и потери, о которых мы вспоминаем со стиснутыми зубами. Фашизм — тоже не сон, и не сон — братские могилы, где захоронены наши малые и скромные, такие веселые и молодые. О, если бы был услышан в самом начале наш предостерегающий голос, тогда из них могли бы быть созданы армии строителей и творцов, спо-

собных стократ умножить красоту и благодеяние планеты. Оно было отвергнуто, бескорыстное слово разума, и вот — щебяная окрошка из отличных столиц и святынь, погасшие заводы, где могла бы бесперебойно изготавляться материальная одежда духа и мысли, и, наконец, тысячи бездною емких кладбищ, эти поселения мертвых, числом которых измеряется вся ниэность мюнхенского преступления.

Для разумного эта весна не просто воскрешение скованной природы, звонкий месяц всеобщей молодости, — она есть весна народов, потрясенных и оскорбленных в своем человеческом достоинстве. Великая премудрость опыта разлита в самом воздухе нынешнего полдня, и горе той стране, которая не допустит ее в себя. Размеры совершенного подвига подняли наш народ еще выше перед лицом мира, но пусть хотя бы пережитая мука доставит прозрение и всем остальным людям!. Богата дарами эта весна, но никто не подносил их нам на блюде, мы сами добыли их из кромешной тьмы, сами творили их совместно с солнцем и уже настолько постигли их устройство, чтобы стать мастерами собственного счастья. Бедна в часы ликования человеческая речь; нет в ней достаточно нежных слов, чтоб приветствовать эту весну в полную меру нашего чувства. Привет тебе, более любимая, чем невеста, более желанная, чем рукопожатье друга!

Отныне фашизм — только отброс истории. Она расскажет потомкам, как мы через всю Европу гнали эту громадную дикую свинью, которой Германия служила берлогой, — и как, с тоннами добротного советского металла в утробе, она огрызлась, стоя над ямой и истекая тухлой сукровицей, — и как мы всадили в нее еще одну порцию смерти, и она рухнула с копыт, навеки ставшая падалью. Фашизм — конечно, выдумка дикаря, гиперболически раздувшийся паразит, собравшийся поселяться во внутренности человечества, — помесь насекомого со скучным мещанским немецким чортом, — но прежде всего он все-таки — свинья. И как она успела загадить свое жилище! Вполне знаменательно,

что даже проклиная своего главного обер-или зондер-фюрера... или как он там назывался, сын своей презрительной матери?.. немцы и доныне клянут его не за то, что омрачил и на века обесчестил злодеяниями германское имя, а лишь за то, что, не выполнив своих разбойных юбещаний, вовлек их в столь крупные немптияности и убытки. Их надо бы заставить голыми руками раскапывать страшное человеческое месиво в братских карьерах Бабьего Яра и Тремблинки, чтоб осознали мерзость преступления, на которое они готовились века. Надо надеяться, что теперь-то уж хоть отдаленные признаки мысли появятся в животном взоре немецкого обывателя. Так оживает хорошо промятая, битая глина под пальцами искусного ваятеля. О, Германия должна быть глубоко благодарна Красной Армии за то, что та через страдание возвращает ей давно утраченную человечность.

Ах, как хорошо расправить плечи после непомерного и опасного труда, как величествен ты, человек с красной звездочкой на окольице фуражки — младший сестренкой громадных звезд кремлевских. Как красива была ты, Красная площадь, когда победа подобно птице ряяла над тобою в утро недавнего первомайского парада, — когда колонны ветеранов вливались в тебя, неся свою гвардейскую славу, — когда притихнув, как бы на цыпочках, непобедимые машины-богатыри проходили мимо мавзолея, где спит наш Ленин, и склонялись знамена, потемневшие от пыли и гарисевеличайших сражений военной истории.

Ничто не истребит этого дня в нашей памяти. Добрый суровый Сталин стоял на трибуне среди своих помощников в трудах государственных, в делах славы и победы. Перед ним прошли тысячи воинов, как близнецы, похожих друг на друга, но он увидел и запомнил лицо каждого из вас, побеноносцы Советского Союза, — и он спросил глазами каждого из вас — тебе хорошо, мой друг и любимый сын? И ты ответил ему глазами — да! И мы вспомнили тогда про вас, погибшие товарищи наши, которые когда-то пели вместе с нами, деля хлеб, чарку и молодой энтузиазм птилетеок, а потом так щедро и безжалобно подарили свои жизни Родине... Они также приняли участие в параде. И был среди того необыкновенного торжества один миг глубокого молчания, когда тени наших героев незримо прошли по этой прославленной площади мертвым маршевым шагом, промчались на рысях или на предельных скоростях атаки. И тогда солнце праздника затмилось облачком и как бы траурные морщинки прочертими боевые знамена...

В такие минуты мужает и очищается человек. Ему становится тесно в одном только настоящем, — он живет сразу и в

прошлом своем и будущем. На маленьком своем примере он постигает бессмертие народа. Не отрывая глаз от своего завтра, он помнит все, что произошло вчера... А не однажды бывали у нас минуты, когда все — честь и богатства дедовские судьба ставила под удар. Пасмурным взором очредного завоевателя она глядела нам в душу. Мы достаточно повидали их, всех мастеров и калибров, от Тамерлана до Наполеона, да и в передышках непрестанно звенели мечи. Откуда только не задувала непогода в открытые на все четыре стороны просторы России! Не видать вокруг Москвы ни бездонных океанов, ни гор снежных, и оттого она сама искала их, как обороны от иноземной алчности. Судьба не баловала нас, и в этих исторических поединках созрело и закалилось наше национальное самосознание.

Уж сколько раз вражеский воин-вор гулял по нашим привольям и за одну лишь годину своего торжества успевал пожечь и разорить наши города и села, ограбить русскую казну, опозорить храмы, увести в полон связанных одной веревкой — жену, сестрицу и любимого коня; все ему надоилось, несметному, столапому. А через го-док мы, как повелось у нас с незваными гостями, неспешно отделяли ему голову от туловища и отсыпали в таком разображенном виде на родину к нему, а заодно, для верности, приходили и сами, чтоб по-прочней предать земле и попирать на той веселой тризне!.. Но бывало и так, что на века утверждалась у нас какая-нибудь зло-ордынская сила, и тогда пустели шумные, всей тогдашней Европе ведомые рязанские торговые тракты, замолкала взятая за горло задушевная славянская песня, да, кажется, и птица переставала гнездиться на Руси, а вслед за порохом и молодою кровью и самые слезы иссыкали у народа.

Поганый, незнаемый откуда, чужак огнем и пластью изгонял из дому хозяйку и праматерь нашей земли, многострадальную русскую женщину... и она уходила в леса дремучие, приспустив платок на исплаканные очи, — осиротевшая, нищая и никогда не терявшая духа. Там селилась она в пригляднувшемся старом пеньке от тысячелетнего дуба, разбитого былинной грозой, — в этакой избушке на курьих ножках, — лишь бы было отверстие полюбоваться на белый свет. Потом походкой калик-перехожих проходило несчастное время, достаточное — чтобы камень обратился в песок и заморский булат рассыпался на ржавые листочки, как вдруг расступался звездный пленок, и вот двенадцать русых богатырей выходили из него на солнышко... Словом, как у Пушкина: «... как бы мне на двор окошко здесь про-делать, — молвил он, вышиб дно и вышел вон». Много песен сложено у нас про ватажки таких добрых дружинников, — у

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30